
ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.1

САЛАЗАРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

М.А. Шепелев

***Аннотация:** В статье рассматриваются основные черты салазаризма как уникального политического стиля, сложившегося под влиянием личных качеств главы португальского правительства в 1932-1968 гг. Антониу де Оливейры Салазара в условиях созданной им институциональной среды португальского «Нового государства» (Estado Novo). Отмечается, что хотя для характеристики режима Estado Novo в то время широко использовалось понятие «конституционная диктатура», фактически за этим понятием стояла институционализация «персонализированного руководства» Салазара. Для него был характерен очень традиционалистский политический стиль, соответствующий скорее модели просвещённого абсолютизма XVII-XVIII веков, опиравшейся на классические теории полицейского государства, чем основным типам политических режимов XX века. Уникальной особенностью салазаризма является «кафедрокрация» - опора на замкнутую группу кадров университетской профессуры и выпускников престижных факультетов ведущих университетов, прежде всего факультетов права. Так, в 1940 г. пять из девяти министров были профессорами, четверо из них - с факультета права Университета Коимбры.*

***Ключевые слова:** Оливейра Салазар, салазаризм, политический стиль, политический режим, Estado Novo, «кафедрокрация».*

Современный кризис западной либеральной демократии актуализирует интерес к нетипичным политическим режимам и нестандартным стилям политического лидерства и государственного управления. Пожалуй, наименее изученным среди недемократических режимов и стилей, существовавших на Западе в недавнем прошлом, но при этом наиболее долговечным (с 1928–1932 до 1968–1974 гг.), является салазаризм. В отечественной литературе он рассматривался лишь с крайне идеологизированных позиций и в основном в советский период, причем в рамках работ более общего характера по истории Португалии (Р.М. Капланов, А.М. Хазанов, В.Л. Шейнис). В зарубежной литературе в последние десятилетия обозначилась тенденция к более объективному и разностороннему изучению данного феномена (А. Кошта Пинту, М. Брага да Круз, И. Леонард, М. де Лусена, Ж. Ногейра Пинту, Ф. Рибейру де Менесеш, Ж.А. Сараива). В этом контексте объективно охарактеризовать особенности салазаризма как политического стиля и является целью данной статьи.

Антониу де Оливейра Салазар (1889–1970), безусловно, был диктатором и никогда этого не отрицал, но он был совершенно нетипичным диктатором для XX века. Это была прежде всего моральная диктатура в том классическом смысле, в каком её мог понимать и осуществлять католический интеллигент ещё позапрошлого столетия. Не случайно один из его министров Адриану Морейра считал, что Салазар руководил правительством на основе «кодекса канонического права». Его взгляды, как и его политика, в т.ч. созданный им политический режим (Estado Novo – Новое государство) и выработанный политический стиль, очень необычные даже для своего времени, после смены режима в Португалии совсем не вписывались в идейно-политический «мейнстрим».

При жизни Оливейра Салазар не допускал, чтобы его изображение фигурировало на монетах или марках Португалии, и возражал против того, чтобы ему возводили памятники или называли его именем улицы. За четыре десятилетия политической деятельности у руля страны его библиографическое наследие составило всего шесть томов (1140 страниц) – для сравнения, его идейный противник Мариу Суареш всего за десятилетие своего президентства выпустил десять томов.

Когда его правительство в 1966 г. настояло на том, чтобы назвать новый мост через Тежу в его честь, Салазар был так раздражён, что публично осудил этот жест во время церемонии открытия объекта, считая неправильным называть общественное сооружение или иной объект именем живой личности. А размышляя о том, насколько быстро меняется общественное настроение, он предсказал, что спустя короткое время и эта постройка получит другое название. И действительно, сейчас лишь в родном селении Салазара есть носящий его имя «проспект».

Учитывая огромную власть, которой он обладал в течение четырех десятилетий, он мог бы построить себе монументальный мавзолей, подобно усыпальнице Франсиско Франко в Долине Павших, мавзолею Мао Цзэдуна или Иосипа Броз Тито, либо потребовать, чтобы его похоронили в монастыре Жеронимуш рядом с такими историческими деятелями, как Вашку да Гама или Фернанду Магеллан, наконец - в достроенной при нём (на 284-м году) церкви Санта Энграция, ставшей Национальным пантеоном, вместе с останками бывших президентов Сидониу Паиша и Ошкара Кармоны.

Вместо этого всегда испытывавший раздражение от публики Салазар настоял на том, чтобы упокоиться на своей малой родине – в маленькой и тихой деревне Вимиейру, в безымянной могиле (отмеченной лишь тремя буквами – A.O.S.), неотличимой от семи других захоронений своих родных. Единственное, что выдаёт место последнего земного пристанища всемогущего шефа Estado Novo – это табличка, поставленная его почитателями, на которой написано: *«Человеку свойственно ошибаться, но на сегодняшний день он был лучшим государственным деятелем и самым честным из всех правителей Португалии»*. К 120-летию со дня рождения Салазара его могилу привели в порядок и установили новую надпись: *«Здесь покоится человек, которому больше всего осталась должна Португалия. Он отдал стране всего себя, не взяв для себя от страны ничего»*.

Салазар был личностью с уникальной для современного политика нравственной философией. Он часто говорил о том, что «обязан Провидению милостью быть бедным», и поэтому, чтобы заработать, при том скромном образе жизни, к которому он привык с детства, ему не нужно путаться в тенетах бизнеса или в компрометирующих связях. Даже находясь на высшем правительственном посту, он жил необыкновенно скромно и никогда не позволял оплачивать свои личные расходы за государственный счёт, причём под личными расходами он понимал то, что все остальные отнесли бы к тратам, связанным с должностными обязанностями. Не случайно на фасаде его ныне обветшавшего родного дома в селении Вимиейру можно увидеть скромную мемориальную табличку со словами: *«Здесь 28.04.1889 г. родился доктор Оливейра Салазар – сеньор, который правил и ничего не украл».*

В столице он не приобрёл даже квартиры и оставил после себя лишь скромный крестьянский дом в провинции, принадлежавший ещё его родителям, а также 274 тысячи эскудо на своём банковском счёте. Эта сумма примерно соответствовала зарплате за семь лет обычного португальского банковского служащего, работавшего внутри страны, или доходу португальской эмигрантки, работавшей горничной в Париже. И это глава правительства капиталистической страны с обширной колониальной империей, стоявший у кормила власти почти четыре десятка лет!

Салазар говорил о себе: «Я независимый человек. Я никогда не стремился иметь политические клиентелы и не пытался создать партию, которая поддерживала бы меня, но в обмен на их поддержку определяла бы направление и границы моих правительственных действий. Я никогда не льстил людям или массам, перед которыми многие в современном мире преклоняются в лицемерном или презрительном раболепии. Если я упорно защищаю их интересы, если я забочусь о нуждах скромных людей, то это происходит по моей собственной заслуге и в результате моей совести как правителя, а не из-за партийных связей или предвыборных обязательств, которые мешают мне. Я, насколько это возможно, свободный человек» [1, с. 638].

Политический стиль Салазара определялся институциональной средой созданного им режима – точнее, как тогда говорили, «политической ситуацией». Основные политические институты в Estado Novo, казалось, были совершенно обычными: глава государства, правительство и парламент, но их статусы и соотношение их полномочий были определены таким образом, чтобы установить своего рода конституционную квази-монархию, в которой место короля занимал президент республики. Как и король, президент, имеющий Государственный совет в качестве консультативного органа, свободно назначал и увольнял главу правительства и мог распускать или переносить заседания парламента. Как и король, президент не управлял государством, и все его действия должны были быть одобрены главой правительства, так что последний нёс полную ответственность за управление страной, но подотчетен он был только президенту. Причём на практике роль президента республики была скорее церемониальной, реальная власть принадлежала президенту Совета министров. Дело в том, что Салазар никогда не хотел быть главой государства, предпочитая видеть на этом посту высокопоставленного

военного и при этом, по сути, продвигать «президентскую власть президента Совета». Недаром, ещё будучи студентом Коимбрского университета, он признался своему лучшему другу Мануэлу Гонсалвешу Серезейре: «Ты знаешь, я чувствую, что моё призвание - быть премьер-министром абсолютного короля» [2, с. 169].

В основе организации государственной власти в Estado Novo лежал принцип политического единства, предполагающий сотрудничество между Национальным собранием и правительством. Фактически он утверждал явное превосходство исполнительной власти над законодательной с целью построения сильного и авторитарного государства во избежание нестабильности республиканского периода. Исполнительная власть была неподотчетной Национальному собранию в политическом отношении, хотя существовали механизмы парламентского контроля над правительством. При этом правительство по конституции 1933 г. не было коллегиальным органом.

Салазар не был «премьер-министром» – он, как и сменивший его в 1968 г. Марселу Каэтану, был «президентом Совета министров». В этом качестве он обладал широкими полномочиями, согласовывал и направлял деятельность всех министров, являвшихся политически ответственными перед ним за свои действия, представлял президенту республики предложения по назначению и увольнению министров и государственных секретарей и скреплял своей подписью соответствующие указы. Президент Совета министров нес ответственность за общую политику правительства только перед президентом республики. На практике всё это привело к тому, что президент Совета Салазар стал зависеть исключительно от президента республики Кармоны, но после его смерти сам превратился в «делателя королей». Глава правительства был «истинным и эффективным носителем власти», хотя с формальной точки зрения президент республики оставался краеугольным камнем режима, проявляя себя в чрезвычайных ситуациях, как это было в 1961 или 1968 гг., и тем самым обеспечивая стабильность «политической ситуации».

От имени Совета министров президент Совета издавал декреты, имеющие силу закона «в силу законодательных разрешений или в срочных случаях и в случаях государственной необходимости», а также издавал «декреты, регламенты и инструкции в целях надлежащего исполнения законов», и скреплял своей подписью акты президента республики [3]. Институт ратификации (то есть право Ассамблеи утверждать и изменять декреты-законы, принятые правительством) был смягчен благодаря пересмотру конституции в 1935 г., после чего контролю подлежали только декреты-законы, опубликованные во время законодательной сессии. Особое положение в правительстве Estado Novo занимал министр финансов. Конституция предусматривала, что «акты президента республики и правительства, влекущие за собой увеличение или уменьшение доходов или расходов, всегда будут скрепляться министром финансов» [3]. Этот пост, с которого началась его правительственная деятельность в 1928 г., Салазар сохранял за собой до 1940 г., также как и посты министра иностранных дел и военного министра в 1936–1946 гг.

Бдительное око Салазара постоянно держало в поле зрения все исполнительные

и законодательные органы власти, сфера деятельности которых в совокупности далеко выходила за рамки потребностей контроля, характерных для других диктаторских режимов. Несмотря на то, что он окружил себя сильными министрами, Салазар далеко не всегда давал им большое пространство для самостоятельного принятия решений, широко вмешиваясь в сферу деятельности различных министерств. Систематически получаемая им информация даже с уровня ниже министерского (заместители министров, руководители департаментов и даже отдельные нижестоящие чиновники как в центральном аппарате, так и на местах) позволяла подробно вникать в повседневную работу правительственных структур.

Накопление нескольких портфелей привело к повышению значимости в этих ведомствах государственных секретарей или генеральных директоров, обладавших огромной бюрократической и политической властью над соответствующими секторами – даже большей, чем у многих министров, поскольку она обеспечивалась более интенсивным взаимодействием с Салазаром. Так было, например, с Тейшейрой де Сампайю и Сантушем Коштой как государственными субсекретарями по иностранным и военным делам. Если же принять во внимание Секретариат национальной пропаганды при Антониу Ферро, то можно отметить, что политические ведомства, как правило, не возглавлялись министрами, и их руководители имели дело напрямую с Салазаром. Официальная его позиция состояла в том, что хотя политика, как человеческое искусство, всегда необходима, пока есть люди, тем не менее, правительство будет всё больше превращаться в «научную и техническую функцию».

В первые годы своего пребывания во главе правительства (30-е гг.) Салазар встречался со своим Советом министров 94 дня, что составляет в среднем 15 встреч в год, но совсем не регулярно. С момента провозглашения конституции и до конца 1933 г. Салазар встречался со своим советом министров в среднем два раза в месяц, что является самым высоким показателем этого периода истории Нового государства. В 1935 г. было проведено три заседания каждые два месяца, а в течение 1938 г. кабинет заседал один раз в месяц, после чего в среднем проводилось три заседания каждые четыре месяца. Только половина заседаний были посвящены текущим вопросам, то есть примерно в половине случаев, когда Салазар решал собрать весь кабинет, на обсуждение выносилось что-то «исключительное».

Это говорит о том, что Салазар собирал свой кабинет не столько для решения «важнейших вопросов политики», сколько для срочных вопросов «общего руководства». Неизвестно, имело ли место при этом реальное обсуждение, или же встречи проводились только для формального одобрения решений Салазара. А в послевоенные годы президент Совета всё больше отдавал предпочтение индивидуальным встречам с министрами. Показателен случай, о котором вспоминал министр заморских территорий Адриану Морейра: после того, как президент Совета и сам Морейра как министр подписали декрет об отмене Статута коренного населения, он сказал главе правительства: «У меня есть сомнения, не требует ли конституция, чтобы это было решение Совета министров». На это Салазар ответил: «Вы правы, но если их двое, то это уже Совет» [4].

Политическое долголетие Салазара было обусловлено в значительной степени его умением держать политические карты почти всегда очень близко к груди, скрывая игру, и тем, что он был превосходным дирижером огромного оркестра, которым был режим, правительство, португальская и международная политика. Примечательно, что каждой перестановке министров, как и каждому обновлению Национального собрания, предшествовал процесс консультаций Салазара по кандидатурам, которые должны были быть назначены. Почти с самого начала своей правительственной деятельности он имел привычку узнавать мнение небольшого, но стабильного ядра советников – неформального «частного совета», – хотя на протяжении всего периода существования режима оно менялось. В целом это был очень традиционалистский стиль управления, чем-то напоминавший эпоху кардиналов Ришелье и Мазарини, либо же князя Меттерниха, но вместе с тем сам Салазар и его окружение были энергичными, высококвалифицированными современными технократами.

Правительственную элиту Estado Novo отличали, во-первых, молодость (в среднем 44 года для первой фазы Estado Novo, причём около четверти министров и государственных субсекретарей были в возрасте до 30 лет); во-вторых, разрыв с либеральной республиканской элитой (в правительствах Салазара не было ни одного министра времён Первой республики) и преобладание в новой элите носителей консервативных взглядов, как республиканского, так и монархического толка, причём до 40% из них относят к категории «технократов»; и в-третьих, очень заметное (до 40%) преобладание представителей университетской профессуры, особенно юристов – выпускников и преподавателей факультета права Университета Коимбры (71% выпускников юридических факультетов среди членов правительства). Вообще численность выпускников факультетов права впечатляюще возросла - с четверти до более половины среди министров, государственных секретарей и субсекретарей. И это на фоне снижения вдвое доли военных в составе правительства. Если же посмотреть шире, то два факультета права Коимбры и Лиссабона были теми учреждениями, которые поставляли в государственный аппарат наибольшее количество квалифицированных управленческих кадров. Больше двух третей выпускников факультета, на котором учился и работал Салазар, оказывались на государственной службе. В целом высший эшелон власти и административный аппарат набирались прежде всего из университетских кругов.

Что же касается количества университетских профессоров и, среди них, профессоров права, их роли структурообразующего фактора в составе политической элиты Estado Novo (для обозначения этой ситуации используют даже термин «кафедрокрация»), то это – одна из наиболее значительных особенностей салазаризма по отношению к аналогичным политическим режимам. В 1940 г. пять из девяти министров были профессорами, четверо из них - с факультета права Коимбры. Следует учитывать, что университетские профессора в Португалии представляли собой крайне маленькую и замкнутую группу людей, обладавших исключительно высоким социальным статусом и престижем в обществе. В конце 20-х годов число профессоров факультетов права

не достигало и 40 человек. Лиссабонский юридический факультет насчитывал 18 профессоров, а юридический факультет Коимбры – 17. Но в Португалии эти профессора не только в 20-30-е, но и в 60-е годы пользовались даже большим социальным престижем, чем те, кто занимал руководящие должности в крупных компаниях.

В основном эти люди были не ораторами, выступающими перед публикой на собраниях и пытающимися мобилизовать мнение, а экспертами, гордившимися тем, что решают вопросы технически правильно и являются посредниками в достижении компромисса между различными интересами и точками зрения. В сложившейся под их эгидой «кафедрокрации» культивировались иерархия, протоколы и ритуалы, а противоборство и обсуждение противоречивых точек зрения хотя и существовали, но должны были закончиться, как только шеф примет решение. На первых сессиях Национального собрания в 1934 г. несколько депутатов подчеркнули это, заявив об отказе от старого парламентского сутяжничества и пообещав «конструктивный» дух. Сотрудничая с правительством, они избегали старого ораторского искусства (которое сохранилось только в судах), предпочитая, как и Салазар, письменные речи, когда-то запрещенные старыми парламентскими обычаями.

Примечательно и то, что почти половина министров родились, как и сам Салазар, в маленьких провинциальных городках и селениях с населением менее 10 тысяч жителей. После консолидации Estado Novo «циркуляция» министерской элиты резко сократилась по сравнению с периодом национальной диктатуры, увеличилась и средняя продолжительность пребывания на правительственных должностях. Если за восемь лет военной диктатуры сменилось 65 министров, то за последующие двенадцать лет – всего 28, то есть их ротация сократилась почти наполовину. После того как режим консолидировался, Салазар, подбирая министров, обычно не стремился содействовать какому-либо балансу сил, представлению течений мнений, но лишь окружить себя надежными людьми, в основном уже доказавшими свою преданность режиму и его шефу.

Для характеристики режима Estado Novo в то время широко использовалось понятие «конституционная диктатура», но фактически за этим понятием стояла институционализация «персонализированного руководством» Салазара. Действительно, систематический контроль над деятельностью всей государственной администрации, иными словами – режим «ручного управления», был основным инструментом его политической власти. Не случайно в 1951 г. на конгрессе Национального союза в Коимбре Марселу Каэтану открыто поставил вопрос: «Действительно ли Estado Novo – это режим, или это просто набор условий, пригодных для осуществления власти человеком с исключительными способностями к управлению?». На протяжении десятилетий это был не режим, а скорее «ситуация», и часто действительно использовалась именно эта формулировка. Важнейшими опорами, обеспечивавшими устойчивость этой ситуации, были: 1) политический контроль над вооруженными силами; 2) поддержка Католической Церкви; 3) опора на местные элиты; 4) корпоративная организация как механизм контроля над населением и экономикой; 5) система контроля над социальными коммуникациями.

Национальный союз, созданный в 1930 г. по инициативе Салазара и подчиненный

правительству, был призван объединить всех тех, кто хотел участвовать в политической деятельности. За его пределами не было политической жизни. Оливейра Салазар, провозглашённый пожизненным лидером (шефом) Национального союза и до постигнутого его осенью 1968 года инсульта возглавлявший высший орган НС – Центральную комиссию, особо отмечал, что партии Первой республики раскалывали португальское общество, вносили в него раздоры и превращались в клики политической власти, нарушавшие гражданские права и свободы португальцев – напротив, Национальный союз объединяет общество, служит общенациональным интересам и защищает гражданскую свободу, является «высшей школой граждан». Устав НС был утверждён правительственным декретом от 20 августа 1932 г., в котором подчеркивалось, что он является не политической партией, но «организацией единства всех португальцев». Будучи инструментом проведения государственной политики и не являясь партией (и напоминая чем-то «Объединение функциональных групп», или «Голкар», в Индонезии при Сухарто), он, естественно, не имел и характеристик партии тоталитарного режима.

Поскольку Салазар крайне отрицательно относился к массовым движениям, Национальный союз принципиально не являлся массовой организацией и его численность в различные периоды колебалась в пределах 20-40 тысяч членов. В основном это были функционеры государственного аппарата, предприниматели, землевладельцы, деятели науки и образования, юристы и военные. При этом существовали квоты по соотношению представителей различных политических позиций и социально-профессиональных групп. Среди рядовых членов НС предпочтение отдавалось сельскому населению и жителям небольших городов как наиболее благонадёжным. С 1936 г. НС имел свою молодёжную организацию «Португальская молодёжь» («Mocidade Portuguesa»), внутри которой существовала секция для девушек – «Португальская женская молодёжь». С ним также были аффилированы проправительственные профсоюзы – национальные синдикаты, торгово-промышленные гильдии (grémios), и сельские «народные дома». Кандидаты Национального союза 7 раз выдвигались и побеждали на президентских выборах (генералы Антониу Ошкар Фрагозу Кармона, Франсишку Кравейру Лопеш и адмирал Америку Томаш) и 11 раз – на парламентских. Во всех случаях НС получал все мандаты в парламенте (от 80% до 100 % голосов).

Помимо армии режим пользовался также поддержкой католической церкви, во главе которой стоял давний университетский друг Салазара Мануэл Гонсалвеш Сережейра, ставший в 1929 г. кардиналом-патриархом Лиссабона. Эта поддержка была закреплена подписанием конкордата 1940 г., по которому хотя Церковь и государство формально оставались разделёнными, католическая Церковь получила некоторые привилегии. Конкордат признавал правосубъектность Церкви, свободное осуществление церковной власти, её бесцензурное общение с верующими, свободу организации и распоряжения своим имуществом в религиозных целях, а также её право преподавать в государственных школах.

В принципе Салазар выступал против создания военизированных массовых организаций, поскольку он никогда не считал, что Estado Novo для своего

самоутверждения следует полагаться на ополчение. И вообще он предпочитал апатию мобилизации, равно как невидимость – массовой активности. Этим ситуация в Португалии с самого начала принципиально отличалась от Италии и Германии. Однако с началом гражданской войны в Испании Салазар столкнулся с «красной опасностью», грозившей перекинуться на Португалию, и вынужден был учитывать враждебность некоторых испанских политических движений, которые намеревались включить Португалию в будущий «Пиренейский Советский Союз». Поэтому он согласился пойти навстречу инициативе членов старых праворадикальных движений и создать гражданскую организацию общественной поддержки режима, наделённую военизированными и полицейскими информационными функциями. При этом он потребовал, чтобы эта структура, получившая название «Португальский легион», была не партийной милицией, а государственной структурой. Причём уже с 1942 г. основной её функцией стала гражданская оборона.

Обладая весьма ограниченными по численности полицейскими силами, которых ныне сочли бы недостаточными для прикрытия районов Порту и Браги, Estado Novo под руководством Салазара восстановило общественный порядок после многих лет хаоса и анархии, пережитых португальцами в период Первой республики, гарантированно обезопасив население и экономику. Без применения смертной казни, в отличие от некоторых других западных стран с «великими демократическими традициями», Португалия надолго превратилась в страну с очень низким уровнем преступности. Зато апрельская революция 1974 г. всего за несколько недель существования нового режима, не случайно получивших название «эпохи террора», привела к такому росту числа преступлений, совершавшихся вооружёнными бандами, что намного превзошла четыре десятилетия Estado Novo.

Для поддержания общественного порядка режим Салазара полагался на местные элиты и политическую полицию. Её штаб-квартира находилась в Байрру-Алту, в здании, где прежде располагалась масонская организация Grande Oriente Lusitano, запрещённая в 1935 г. как тайное общество. Уровень использования насилия для поддержания общественного порядка при Estado Novo, как отмечает Руи Рамуш, не превышал показателей Первой республики 1910–1926 гг. За тот период в результате подавления беспорядков и забастовок погибло около 98 человек, а при Estado Novo в 1933–1974 гг. – 41 человек, то есть более чем в два раза меньше за почти в три раза больший период времени. Что же касается утверждений, будто во времена Estado Novo были убиты и замучены тысячи людей, то они объективно являются ложью. Основная масса политзаключённых в любом случае приходилась на 20–30-е гг. – годы мятежей, волнений и заговоров. Ясно, что это были не случайные люди или невинные жертвы «кровавого террора».

В целом политические репрессии, особенно в 40–60-х гг., носили очень избирательный, индивидуальный характер (думается, в этом смысле Португалию можно сравнить с СССР при Брежнев с поправкой на отсутствие в Советском Союзе оппозиционной прессы, оппозиционных политических сил и устраиваемых ими массовых акций). Обращение к репрессивным мерам определялось принципом

относительной «экономии» насилия, что делало общество свободным от повседневного напряжения, характерного для тоталитаризма, а это, в свою очередь, обеспечивало устойчивость режима. Возможно, Салазар и не очень стремился завоевать любовь народа, но за десятилетия своего правления он и не поставил себя и олицетворяемый собой режим в положение, вызывающее у народа страх.

Наиболее часто дискутируемый вопрос: что же представляло собой Estado Novo как политический режим? Очевидно, оно не было демократическим государством. Сам Салазар говорил не в какие-нибудь 30-е гг., а в 1958 г.: «Если демократия заключается в нивелировании до основания и отказе признать естественное неравенство; если демократия заключается в вере в то, что власть берет свое начало в массах и что правительство должно быть делом масс, а не элиты, тогда, действительно, я считаю демократию фикцией. Я не верю во всеобщее избирательное право, потому что индивидуальное голосование не учитывает различия между людьми. Я верю не в равенство, а в иерархию. По моему мнению, люди должны быть равны перед законом, но я считаю опасным давать всем одинаковые политические права. Если либерализм заключается в том, что все общество строится на индивидуальных свободах, то я считаю либерализм ложью. Я верю не в свободу, а в свободы. Свобода, которая не склоняется перед национальными интересами, называется анархией и разрушает нацию» [1, с. 942].

Оливейра Салазар не стеснялся слова «диктатура» и в этом смысле ставил режим национальной диктатуры, как и режим Estado Novo, в один ряд с традиционными диктаторскими режимами, подчёркивая их высокую эффективность и рациональность. Так, например, по его оценке, «диктатуры показали себя исключительно активными в развитии законодательства и институтов, повышающих условия жизни трудящихся масс, из-за большей легкости, с которой, на основе порядка и дисциплины, они могут решать эту проблему, без партийного или классового духа, но только в полном подчинении великим национальным интересам».

Для него «несомненно, что диктатура, даже рассматриваемая только как концентрация в правительстве законодательной власти, является политической формулой: но нельзя утверждать, что она представляет собой долгосрочное решение политической проблемы; по сути, это переходная формула» [1, с. 62]. При этом Салазар обращает внимание на то, что «поскольку диктатуры часто рождаются из конфликта между властью и злоупотреблением свободой и обычно прибегают к мерам, подавляющим свободу собраний и свободу прессы, многие путают диктатуру и угнетение. Это не суть диктатуры, и, если понимать свободу (единственно верное для меня понятие) как полную гарантию права каждого человека, то диктатура может даже, без софистики, вытеснить в этом отношении многие так называемые либеральные режимы» [1, с. 62]. Однако в любом случае для Салазара диктатура – это почти бесконтрольная власть, и этот факт делает её, по его мнению, «деликатным инструментом, который можно легко растратить и злоупотребить им». По этой причине он считал неправильным, чтобы она навязывала себя навечно, ибо она является лишь средством решения политической проблемы Португалии.

Видимо, поэтому в конце 50-х гг. он уже не соглашается признавать, что в Португалии существует диктатура. Теперь он говорит о том, что «это всего лишь эксперимент по созданию независимого от партийной и парламентской борьбы правительства, тем самым укрепляя его, и как таковой он должен быть оценен по достоинству». Его необходимость он объяснял тем, что «перед лицом трудностей современной жизни и государств, чья организация дает им огромную власть принимать и выполнять принятые решения - многие из которых направлены против Запада - мы должны либо уступить и сдаться, либо искать пути достижения сильных правительств, способных определить позицию и ответить вместе со своими народами за международный компромисс» [1, с. 941].

Подвергая критике представления о том, что «диктатура должна заниматься только управлением, а не политикой», Салазар указывал: «Верно только то, что можно осуществлять управление вне всякой партийной политики, но в этом строгом смысле не следует говорить – можно, следует говорить – нужно. Однако, если помнить об истинном и высоком значении слова «политика», я считаю, что без политики невозможно осуществить управление, которое может быть влиятельным и действительным. За пределами мелкой целесообразности, материального исполнения правила, можно утверждать, что истинное управление всегда имеет за собой концепцию государства, социального назначения, публичной власти и её ограничений, справедливости, богатства и его функций в человеческих обществах, то есть экономико-политическую доктрину, если хотите, философию. Горе тем правительствам, а точнее, горе тем народам, чьи правительства не могут определить высшие принципы, которым подчиняется их государственное управление!» [1, с. 61].

С точки зрения политического стиля салазаризм и фашизм вообще принципиально противоположны. Оливейра Салазар не разделял характерный для фашизма и нацизма, равно как и для большевизма, курс на поддержание мобилизационной напряжённости в обществе, поскольку в принципе не доверял массам и был противником «плебейских» движений. Он не стремился к прямым контактам с массами, не любил митинги и прочие массовые мероприятия и вообще предпочитал социальную апатию. В том числе поэтому он не собирался принимать фашизм в качестве идеологического образца для Португалии, а в отношении германского нацизма высказывался очень критично (например, в сентябре 1941 г. он называл «позором для Европы то, что <...> нацизм навязывает себя повсюду со своей жестокостью»). Салазар отвергал систематическое обращение к насилию, являющееся логическим следствием фашистской доктрины всемогущества государства: «Насилие, которое является прямым и постоянным результатом фашистской диктатуры, не применимо к нашим условиям и не может быть приспособлено к нашим обычаям».

Только политические обстоятельства – начало гражданской войны в Испании – заставили его согласиться на создание «Португальского легиона», и то – под прямым контролем государства, причём уже после исчезновения угрозы распространения этого конфликта на Португалию Легион стал плавно трансформироваться в силы гражданской обороны. Сам Салазар не принимал символы тоталитарной власти, такие как отличительная эмблема (как, например, фасции, свастика или ярмо и стрелы Фаланги), и

не одевал униформу. В 1933 г. в книге «Салазар и его время» Ролан Прету, лидер национал-синдикалистов (действительно португальского аналога фашистов, запрещённого Салазаром), утверждал, что, отказавшись носить форму, Салазар продемонстрировал своё профессорское пренебрежение к новым формулам, не понимая, что именно они спасут Европу от коммунизма. Так или иначе, Салазар действительно испытывал чувство некоего академического превосходства над современными ему фашистскими и фашиствующими политиками. Сохранилось лишь несколько фотографий конца 30-х гг., на которых он отдаёт «римское приветствие» в ответ тем, кто настаивал на этом жесте, но подобные фотографии имеются и у членов британской королевской семьи.

К тому же Салазар считал фашизм и нацизм «языческими» и чересчур «демократичными» идеологиями: по его словам, в отличие от португальского Estado Novo «фашистская диктатура тяготеет к языческому режиму, к новому государству, не знающему правовых или моральных границ». Это убеждение особенно усилилось после столкновения нацистов с Ватиканом и издания папской энциклики 1937 г., осудившей идолопоклоннический мессианизм гитлеризма. К этому времени он понял, что не стоит доверять неистовому харизматическому авантюристу из-за Рейна.

В разгар Второй мировой войны, 25 июня 1942 г., выступая по национальному радио, Салазар говорил о невозможности «согласиться с тем, что гипертрофия власти должна игнорировать права совести; что государство должно поглотить всю жизнь нации и естественные объединения, которые защищают саму жизнь и деятельность людей; что экономические потребности должны быть основным принципом организации наций или международного общества; что индивидуальная инициатива должна исчезнуть как движущий фактор социальной активности, а вся инициатива, все богатство и все управление жизнью в обществе должны перейти к государственной власти» [1, с. 472].

Салазаризм обозначил четкие границы вмешательства государства в социальную жизнь и, в отличие от доктрины Моррасса – *politique d'abord* («политика в первую очередь») – ставил ценности, вдохновлённые христианством, выше любых материальных целей государства. Исходя из этой философии, Салазар рано высказал оговорки в отношении «языческих» идеологий фашизма и нацизма – а именно, культа насилия и этатизма – и всегда стремился заявить о португальской оригинальности, подчеркивая принципиальные различия между своим политическим проектом и проектами европейских тоталитаризмов. Он всегда настаивал, что «суверенное государство, не ограниченное моралью и правом, является тоталитарным, а мы этого не признаём». Обязанностью государства при Салазаре считалось соблюдение прав и гарантий личности, семьи, корпораций и местной власти. Оно гарантировало право на труд, на собственность, на капитал и (с известными оговорками) на свободу убеждений. Оно также позволяло каждому обжаловать злоупотребления властью и запрещало смертную казнь. Все те, кто не боролся против власти, чувствовали в салазаровской Португалии себя спокойно и безопасно.

Салазар говорил о том, что «в мире, несомненно, существуют политические системы, с которыми португальский национализм имеет сходства и точки соприкосновения

– почти исключительно ограниченные корпоративной идеей. Но в процессе его реализации, и прежде всего в концепции государства и организации политической и гражданской поддержки власти, различия хорошо заметны. Когда-нибудь будет признано, что Португалия управляется оригинальной системой, уникальной для её истории и географии, которые так отличаются от всех других» [5].

И хотя салазаризм мог при этом заимствовать определённые черты у итальянской модели, особенно в конце 1930-х гг., он определённо не относится к категории фашистских явлений. В режиме Салазара не было единственной партии как «ордена меченосцев», и соответственно – не происходило сращивания партийных и государственных органов. Салазар никогда не мог бы сказать, подобно Гитлеру: «Не государство приказывает нам. Мы – те, кто командует государством». Антониу Ферро в своей книге «Салазар, человек и его работа», отмечал, что в Португалии «власть захватила не партия, не революционная сила; это была армия, орган нации, которая вмешалась, чтобы создать условия, необходимые для существования антипартийного и национального правительства. Вооружённые силы не являются партией, не представляют партию и не могут защищать партийность» [5].

Ферро приводит ответ Салазара на вопрос о том, не считает ли он, что армия является привилегированным классом в рамках диктатуры: «Немного привилегированный, без сомнения; это плод давней традиции, общей, я полагаю, для всех стран. Но не надо сравнивать привилегии армии в Португалии с привилегиями рабочих в России. Военные, среди нас, имеют те же права и обязанности, с юридической точки зрения, что и любой гражданин Португалии». И далее он объясняет свои мысли относительно армии: «Я думаю, что у страны есть открытый долг перед армией, который нелегко погасить. Возможно, что этот класс временно пользуется определённым превосходством, определёнными преференциями, но эти привилегии оплачиваются, и хорошо оплачиваются, услугами, оказанными делу порядка, которое в данный момент является делом самой нации. <...> Армию нужно беречь и придавать ей престиж, потому что она - незаменимые строительные леса для созидательного строительства, для строительства Нового государства» [5].

Итак, Estado Novo не было тоталитарным, как фашистская Италия или нацистская Германия, а только авторитарным государством с режимом консервативной патерналистской диктатуры. Больше того, это было классическое европейское полицейское государство, созданное почти в строгом соответствии с моделью XVII–XVIII вв., с поправками на объективные обстоятельства своего времени. Ведь и правда, подход профессора политэкономии и финансов Салазара к управлению государством мало отличим от подхода теоретиков полицейского государства из числа представителей «камеральной науки» эпохи Просвещения.

Западноевропейское абсолютистское государство, в котором все управление в целом обозначалось понятием «полиция», создало уникальный политический дискурс - «полицейскую науку», которую Г. Майер определил как «политическую науку абсолютистского государства». Главное её содержание заключалось в том, чтобы научить, «как содержать в хорошем состоянии и порядке внешние и внутренние дела государства для всеобщего счастья». Полицейское управление опиралось на философию

счастья и порядка, и его компетенция была практически неограниченной. На основе широко понятого понятия «полиция» любое внутривластное действие государства рассматривалось систематически в рамках обширных представлений о задачах и полномочиях государства («полиция надзирает за всем, что касается счастья людей», а также «полиция надзирает за всем, что задаёт для общества правила»). Было ли в таком случае полицейское государство эпохи просвещённого абсолютизма тоталитарным и фашистским? Здравые размышления подсказывают однозначный отрицательный ответ. Но то, что Салазар, мечтавший в юности быть «первым министром абсолютного короля», разделял мировоззренческие установки камералистики и полицейстики – вполне очевидно, как и то, что его режим можно считать последним воплощением просвещённого абсолютизма, пусть и без абсолютного монарха.

Наконец, никто не был дальше Салазара от типажа фашистского и вообще тоталитарного вождя. Культ личности Салазара если постепенно и сформировался, то был выдержан в весьма сдержанных тонах типичного авторитарного лидерства и мало походил на культы Гитлера и Муссолини, а тем более коммунистических вождей. Он был также куда более умеренным, чем культ Франко в соседней Испании. Салазар воспринимался как «великий моральный глава нации», жертвующий собой ради величия нации и счастья португальского народа. В отличие от демагогов, обычно обращающихся к дурным человеческим инстинктам, он апеллировал к совести и альтруизму, к свету Благодати, скрытому в глубине каждой души. Личная честность и благородство его никогда и никем не оспаривались. Да, в португальской пропаганде Салазар представлялся как реинкарнация португальского величия, унаследованного от Генриха Мореплавателя и Дона Себастьяна, как «Дон Нуну XX века», «спаситель родины» и «искупитель нации», движимый постоянной заботой о благополучии португальцев и могуществе империи, стремящийся «вернуть Португалию к жизни привычным образом» в порядке и с уважением к её традициям. Но в этом нет ничего необычного для классических консервативных режимов.

В Estado Novo культивировалась дистанция между властью и народом, в чем проявлялась определённая приверженность иберийским королевским традициям, предписывавшим, чтобы король появлялся на публике как можно меньше, чтобы сохранить таким образом мистику державной власти. Создавался образ Салазара как «монаха-диктатора», почти невидимого, но незримо присутствующего повсюду «великого бухгалтера душ и бюджетов»; правителя, «женатого на нации», одинокого и неустанно трудящегося в своем монастырском кабинете, положившего свою жизнь на алтарь возрождения национального величия.

Салазар вдохновлялся чувством ответственности перед историей, перед «лузитанским, латинским и христианским наследием» исторической Португалии, и Estado Novo представляло собой средство её возрождения и защиты. Салазар заботился о сохранении традиционных зданий, для чего постоянно осуществлялась тщательная реставрация храмов, замков, дворцов и т.д.; также поддерживались старые и создавались новые музеи и национальные парки, возводились памятники национальным героям.

Всё они призваны были быть свидетельствами былого величия Португалии, которые следует сохранить для будущих поколений.

Но традиционализм Салазара – это не просто обращение к прошлой славе XV в. и не политическая эксплуатация тоски о прошлом, португальского *saudade*. Это скорее обращение к традиции, проистекающее из чувства ответственности перед жизнью и страданиями прошлых поколений, которые породили настоящее. По его мнению, история Португалии прервалась в XIX в., когда в стране господствовали чуждые идеи и управляли чуждые институты. На какой-то период Португалия перестала быть истинно португальской, но в 1926 г. этот период закончился и Португалия снова стала собой.

Шеф *Estado Novo* был убеждён в том, что модернизация несет в себе большую разрушительную силу, источником которой являются механизация, прогресс автоматике, превращающий людей в машины, жестоко изолирующий их, разрушающий их эмоции, вкусы и привычный уклад жизни. Продукт этих изменений – современный городской человек, сформировавшийся в борьбе с окружающими, которые оспаривают у него место под солнцем, и в атмосфере этой непрестанной борьбы превратившийся в эгоиста, возможно, даже не замечая этого.

Когда однажды один из губернаторов предложил увеличить расходы на благоустройство сельских районов, Салазар ответил ему: «Вы не знаете внутренних районов Португалии. Люди, которые там живут, всё ещё очень привязаны к своим вековым традициям и образу жизни. Если мы вдруг принесем им прогресс, мы серьёзно нарушим их естественное равновесие». При этом он поставил вопрос: «Например, если мы уберём фонтаны и проведём воду в их дома, женщинам больше не придётся каждое утро ходить с кувшинами к фонтану. Как они смогут разговаривать друг с другом?». Он был убеждён, что это была «идеальная жизнь многих португальцев, счастливо живших таким образом», поэтому её незачем менять.

Салазар отверг перспективу строительства высотных домов в Португалии, полагая, что небольшие отдельные дома будут способствовать тишине, спокойствию и любви, укреплению чувства собственности и семейных уз. Напротив, огромные жилые комплексы спровоцировали бы «беспорядочные связи, революцию и ненависть», потому что там «отдельные люди становятся толпой». Неудивительно, что он наложил вето на предложение возвести в Лиссабоне десятиэтажное здание на сто квартир, предназначенное для интеллектуалов и художников. По этому случаю он напомнил архитектору Жоржи Сегураду, предложившему эту идею, о том, что произошло во время краткого февральского восстания в Австрии в 1934 г. Там огромный жилой комплекс Карл Маркс Хоф в Вене стал полем битвы между рабочими и австро-фашистами. Зато он восхищался жилыми комплексами из отдельных домиков с огородами. Проезжая мимо них, он говорил: «Какая замечательная цветная капуста! Какие красивые розы!». Стремясь воссоздать сельскую жизнь в городском контексте, он даже при переезде в официальную резиденцию президента Совета Салазар тщательно спланировал, как разместить цыплят, кур и кроликов во внутренних помещениях двора в самом центре Лиссабона (правда, здесь всё-таки решающую роль сыграла его экономка донья Мария).

Салазар не был приверженцем экзотических экспериментов ни в жизни, ни в политике. Осознавая ограниченность силы человека его возможностей изменять социальный порядок, он стремился сделать португальцев «скромными в своих стремлениях», «заставить их ожидать серьезных результатов только от медленного преобразования душ». По-видимому, взятой им за основу политической моделью была практичная, «несентиментальная» английская модель XIX в., да и сам он признавался: «Я делаю политику и управляю совсем как англичане».

Путь в будущее, как он считал, должен был быть медленным. Не случайно в 1962 г. он отказал компании Coca-Cola в доступе на португальский рынок, объяснив свое несогласие так: «...Это вопрос того, что я бы назвал моральным ландшафтом. Португалия – консервативная нация, патерналистская и – хвала Господу – отсталая страна, что я считаю скорее лестной, чем уничижительной характеристикой. Вы рискуете представить в Португалии то, что я ненавижу больше всего, то есть модернизм и знаменитую “эффективность”. Я просто содрогаюсь при мысли о ваших грузовиках, мчащихся на полной скорости по улицам наших старых городов, ускоряя своим движением темп нашего образа жизни». А в середине 1968 г. Оливейра Салазар ещё более определённо прояснил свою позицию по отношению к прогрессу как таковому: «Я не хочу заставлять свою страну платить высокую цену за преобразования, ценность которых ещё предстоит продемонстрировать».

В 1940 г. журнал *Life* назвал Салазара «величайшим португальцем со времён Энрике Морепплавателя», объясняя, что он «воссоздал страну из хаоса и нищеты». А в 1942 г. папа Пий XII сказал, что «Господь даровал португальской нации образцового главу правительства». Сегодня многие в Португалии (конечно, не в среде левых или либералов) считают, что основная ошибка доктора Антониу де Оливейры Салазара была в том, что он не восстановил монархию после смерти президента республики маршала Кармоны в 1951 г. Салазаристская монархия или салазархия, как говорил Иполиту Рапозу, была бы идеальным рецептом для длительного успеха режима и даже для его выживания в трансформированном виде после политической смерти Салазара, вызванной его болезнью. Вместо этого после 25 апреля 1974 г. Португалия оказалась во власти леволиберальных режимов, вскоре уничтоживших (вместе с двумя третями золотого запаса в 800 тонн) её политическую и экономическую независимость и национальную самобытность.

Таким образом, салазаризм представляет собой уникальный политический режим, сочетавший политику «консервативной модернизации» с приверженностью к воспроизводству традиционных форм государственности, методов государственного управления и способов принятия политических решений, характерных скорее для Нового, а не Новейшего времени. Именно это не позволяет согласиться с сохраняющейся в леворадикальных и ультралиберальных кругах оценкой салазаризма как «фашистского» или «полуфашистского» режима. На свойственный ему политический стиль наложили свой сильный отпечаток личностные качества Салазара (честность, скромность, принципиальность, искренность, готовность к самопожертвованию, глубокая внутренняя

религиозность и др.) и связанные с ними особенности поведения шефа Estado Novo как крайне консервативного политика, даже гордившегося своей «реакционностью», но при этом настоящего патриота своей страны, всегда твёрдо отстаивавшего её национальные интересы. Именно это в нынешних условиях кризиса Запада, о наступлении которого много говорил и сам Салазар, является фактором роста интереса к его личности и привлекательности его образа, вопреки попыткам европейского леволиберального «мейнстрима» увековечить стереотипное восприятие Салазара и салазаризма в том виде, как оно навязывалось после апреля 1974 г. Хотя сегодня крайне трудно представить себе возможность возрождения «салазаризма без Салазара» в современной Португалии, тем не менее нельзя не отметить, что именно салазаризм является наиболее чистым «идеальным типом» (почти в веберовском смысле) «консервативной революции» в Европе, всплеска которой при определённых условиях вполне можно ожидать и в будущем.

Список используемой литературы

1. Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I-VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016.
2. Franco Nogueira, A. Salazar. – Vol.I A Mocidade e os Principios (1889–1928). – Porto: Livraria Civilização, 1985.
3. Политическая конституция Португальской Республики 1933 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=1084>
4. «Tive um poder enorme como ministro do Ultramar». Entrevista com Adriano Moreira // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://expresso.pt/actualidade/tive-um-poder-enorme-como-ministro-do-ultramar=f459552>
5. Ferro, A. Salazar. Portugal and her Leader. – London: Faber & Faber Ltd., 1939.

Shepelev M.A.

THE SALAZARISM AS THE POLITICAL STYLE

***Annotation:** The article examines the main features of salazarism as a unique political style influenced by the personal qualities of António de Oliveira Salazar, head of the Portuguese government between 1932 and 1968, in the institutional environment of the Portuguese New State (Estado Novo). It is noted that although the concept of «constitutional dictatorship» was widely used to characterise the Estado Novo regime at the time, in fact the institutionalisation of Salazar's «personalised leadership» was behind this notion. It was characterised by a very traditionalist political style, corresponding more to the model of enlightened absolutism of the XVII-XVIII centuries, based on classical theories of the police state, than to the main*

types of political regimes of the twentieth century. A unique feature of salazarism is the «cathedrocracy» - the reliance on a closed group of university professors and graduates of prestigious faculties of leading universities, above all those of law. In 1940, for example, five of the nine ministers were professors, four of them from the Faculty of Law at the University of Coimbra.

Keywords: *Oliveira Salazar, salazarism, political style, political regime, Estado Novo, «cathedrocracy».*

References

1. Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I-VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016.
2. Franco Nogueira, A. Salazar. – Vol.I A Mocidade e os Principios (1889–1928). – Porto: Livraria Civilização, 1985.
3. Politicheskaya konstitutzija Portugal'skoy respubliki 1933 goda // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1084>
4. «Tive um poder enorme como ministro do Ultramar». Entrevista com Adriano Moreira // URL: <https://expresso.pt/actualidade/tive-um-poder-enorme-como-ministro-do-ultramar=f459552>
5. Ferro, A. Salazar. Portugal and her Leader. – London: Faber & Faber Ltd., 1939.

Сведения об авторе

Шепелев Максимилиан Альбертович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
E-mail: ma_shepelev@mail.ru

Shepelev Maximilian Albertovich, Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations of the Institute «Taurian Academy» of the Vernadsky Crimean Federal University
E-mail: ma_shepelev@mail.ru